

САМОРАЗВИТИЕ КАК ФОРМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

М. А. Фризен

SELF-DEVELOPMENT AS A FORM OF PERSONALITY'S EXISTENTIAL RESPONSIBILITY

M. A. Frizen

В статье описываются теоретические основания рассмотрения саморазвития как формы экзистенциальной ответственности личности, анализируются внешние и внутренние факторы, определяющие значимость саморазвития для личности.

The paper refers to the theoretical basis of self-development category as a form of personality's existential responsibility; internal and external factors which determine the significance of self-development for personality are analyzed.

Ключевые слова: саморазвитие, жизненный путь личности, экзистенциальная ответственность личности.

Keywords: self-development, personality course of life, personality's existential responsibility.

В контексте современной психологии личность предстает как вероятностная, самоорганизующаяся, самодетерминированная система; человек рассматривается как носитель сознания, активно конструирующего реальность; понятие гомеостаза личности со средой сменяется понятиями гомеореза и гетеростаза (А. Г. Асмолов, Э. В. Галажинский, В. В. Знаков, К. В. Карпинский, Д. А. Леонтьев, И. О. Логинова, О. В. Лукьянов, Р. С. Немов, В. А. Петровский, Е. В. Четошникова, Э. Деси, Р. Райан и др.).

Вместе с тем опыт практической психологии, анализ реальных жизненных ситуаций показывает, что разрабатываемые теоретические модели личности, ее функционирования неприменимы к целому ряду реальных случаев из жизни конкретных людей, а часто и противоречат им [9]. В связи с этим крайне актуальными для современной психологической науки являются исследования, направленные на описание разных стратегий выстраивания личностью жизненного пути, специфических ценностно-смысловых и социальных оснований ее самоосуществления и саморазвития. Идея «обязательности» для каждого индивида линий развития (органического, социального, личностного) переосмысливается: личностное развитие как самодетерминация, самотрансценденция, саморазвитие присущи не каждому конкретному человеку, утверждает Д. А. Леонтьев [4].

Теоретический анализ научных источников по проблеме субъектности личности в плане выстраивания жизненного пути позволил выделить ряд точек зрения по данному вопросу. Жизненный путь рассматривается сквозь призму понятия «возраст» (Б. Г. Ананьев, Н. А. Логинова, И. С. Кон), через описание «событий» (Ш. Бюлер, П. Жане), через систему пространственно-временных характеристик жизни, позволяющих изучать жизненный путь в качестве единого целого (А. Адлер, В. Франкл, Л. И. Анцыферова, Е. И. Головаха, А. А. Кроник). В психологической науке разработаны концепции, рассматривающие жизненный путь как «жизненную и личностную перспективу» (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская), теории, связывающие жизненный путь личности с идеями самодетерминации личности, осуществляемой ею смысловой работой (Р. Райан, Э. Деси, Д. А. Леонтьев и др.). На детерминанты жизненного пути личности, определяющие его факторы,

существуют полярные точки зрения. В частности, Д. А. Леонтьев рассматривает классический психоанализ и бихевиоризм как формы жесткого детерминизма в рассмотрении функционирования личности – глубинными влечениями и социумом, соответственно. В концепции К. Г. Юнга жизненный путь личности детерминирован прошлым, в том числе коллективным опытом, в теории Э. Берна – настоящим, рефлексией опыта жизни; Б. Г. Ананьев указывает, что жизненный путь личности детерминирован настоящим и исторической эпохой, а также феноменом самодетерминации. Далее мы находим целый ряд теоретических позиций, в рамках которых основной детерминантой жизненного пути является автономия личности (Р. Харе); детерминация жизненного пути связана с наращиванием индивидуальности – «усиление во времени», постоянно обновляемая «превращенная форма» (М. К. Мамардашвили); в качестве основной детерминанты жизненного пути рассматривается субъектность личности (Н. А. Логинова, К. А. Абульханова-Славская, Е. И. Головаха, А. А. Кроник); жизнь рассматривается как некий экзистенциальный конструктор (В. М. Дружинин, Д. А. Леонтьев – жизнетворчество), соотносится с метафорами – «активная лепка судьбы», «поэма жизни» (М. В. Розин), «творческий жизненный путь» (В. А. Петровский). Люди, активно выстраивающие жизненный путь, рассматриваются как субъекты с доминирующей «тенденцией преобразования» (Л. И. Анцыферова), как эксперты своего жизненного пути (нарративный подход: Дж. Брунер, Дж. Фридман, Дж. Комбс, Э. К. Мергенталер), их жизненный путь детерминирован выбором (Ж.-П. Сартр, А. Камю, В. Франкл, Р. Мэй и другие представители экзистенциальной традиции), причем сам выбор описывается по-разному: как соотношение двух стратегий выбора – «свобода воли от» и «свобода воли для» (Э. Фромм); как выбор в пользу прошлого или выбор смысла в пользу будущего (С. Мадди); как сочетание экзистенциальной свободы (свободы действия) и – более главного компонента – сущностной свободы (свободы в выборе идей, смыслов) (Р. Мэй). Построение жизненного пути описывается как действие в «зоне свободной детерминации» (В. Е. Клочко, О. М. Краснорядцева). О. В. Лукьянов исследует соотношение уникальности и устойчивости «Я» личности, их обратную связь: чем выше ус-

тойчивость личности (ее стабильность, социальная приемлемость поведения и деятельности), тем меньше мера ее уникальности – личность, стремясь соответствовать социальным стереотипам, теряет свою уникальность; и напротив, если личности присуща выраженная уникальность, она становится неустойчивой, пластичной, склонной к самоизменению, самопреобразованию [7].

Авторство человека в плане построения жизни связывается с кристаллизацией ее смысла как некоего буферного механизма, не допускающего одностороннего подчинения человека как обстоятельствам, так и непосредственным, сиюминутным интересам и влечениям (В. Э. Чудновский); К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн рассматривают следование по пути собственно «личностного» (внутреннего) развития личности, а не только по пути «событийного» развития; субъектность личности рассматривается как ее способность определять свою жизнь (К. А. Абульханова-Славская, Л. В. Алексеева, О. А. Конопкин, А. К. Осницкий, В. А. Петровский, С. Л. Рубинштейн) [3].

Таким образом, личность стоит перед экзистенциальным выбором: воспользоваться правом авторства в плане выстраивания жизненного пути или следовать некому руслу, предлагаемому социумом. Безусловно, у человека не существует абсолютного выбора, поскольку на этапе первичной социализации мы находимся в ситуации воздействия на нас разного рода моделей, которые мы некритично усваиваем (в первую очередь, это родительские модели (родительское программирование, по Э. Берну), жизненные сценарии (В. П. Серкин)). Вместе с тем при определенных условиях начинают функционировать процессы самотрансценденции, самодетерминации, личность начинает выступать фактором собственного развития, то есть способна осуществлять осознанное и целенаправленное саморазвитие [5; 12]. Вопрос заключается лишь в том, сделает ли выбор человек в пользу саморазвития или дальнейшее развитие не будет представлять для него ценности? На наш взгляд, ответ на этот вопрос следует искать в плоскости экзистенциальной ответственности личности, которая может выбрать путь постоянного самосовершенствования или добровольно отказаться от дальнейшего развития. Невозможно не согласиться с Д. А. Леонтьевым в том, что далеко не каждый человек в период взрослости имеет индивидуальные цели развития, индивидуальную ситуацию развития; таким образом, личностное развитие, саморазвитие в период взрослости могут практически не осуществляться.

Итак, мы полагаем, что сам факт возможности человека строить самого себя не означает, что каждый этой возможностью воспользуется. Следовательно, перед нами встает не только проблема ресурсных, процессуальных, технологических аспектов субъектности личности в плане собственного развития, но и проблема ответственности личности за его осуществление, его результаты, по сути, экзистенциальная ответственность как ответственность за свое подлинное бытие, свой рост в соответствии с осмыслением внешней и внутренней действительности.

Таким образом, саморазвитие рассматривается нами как форма экзистенциальной ответственности личности в соотношении с идеей о подлинности ее бытия. Этот вопрос имеет давнюю традицию исследования как в философии, так и в психологии. Гуманитарное знание предоставляет широкий спектр точек зрения на критерии подлинности бытия. Должна ли личность, обладающая определенными потенциалами, стремиться в результате их реализации к некому завершению или такого рода завершение будет означать конец личностного развития? Смысл личностного развития в том, чтобы соответствовать неким социокультурным критериям, или в том, чтобы идти принципиально своим путем? За непрерывное развитие человека отвечает общество, от его специфики зависит: развивается ли личность или принципиально ответственность за саморазвитие лежит на самом человеке – если для него эта идея значима, то он будет осуществлять ее в любом социальном контексте? С одной стороны, в рамках целого ряда психологических теорий дается совершенно однозначный ответ о существовании двух типов выстраивания человеком жизненного пути, которые в целом сводятся к типам, описанным Э. Фроммом – стратегии бытия и обладания. Вместе с тем в момент, когда такого рода теоретическая модель прилагается к реальной жизни, оказывается, что целый ряд жизненных ситуаций, примеров в нее не вписывается. Скорее, разные примеры жизненных стратегий можно расположить в континууме, на одном полюсе которого все действия человека будут определяться стратегией «иметь», а на другом – стратегией «быть». Между полюсами будут располагаться бесконечные частные случаи конкретных людей, представляющие собой разные сочетания этих стратегий в самых разных областях жизнедеятельности. Перед нами встает вопрос, какие именно элементы социальной ситуации развития, какие внешние и внутренние факторы, специфические личностные черты ведут к появлению того или иного индивидуального варианта жизненной стратегии личности в плане саморазвития.

Целый ряд исследователей рассматривает самоактуализацию личности как ее базовое стремление, а самоосуществление – как процессуальный контекст самоактуализации (А. Маслоу; Э. В. Галажинский, Л. А. Коростылева и др.); к самоосуществлению логично добавить и саморазвитие, поскольку осознанное самоизменение, вероятно, выступает одним из деятельностных контекстов самоактуализации. Е. Ф. Яценко обращает внимание на такие значимые черты саморазвития, как трансцендирование личности за собственные пределы, приобретение ею целостности, обеспечение в ходе истинного саморазвития подлинности бытия человека – в соответствии с его потенциалами, стремлениями, ценностями и смыслами [13]. Возникает некоторое противопоставление между личностью как результатом интериоризации неких социальных рамок, когда рамки ограничивают человека уже не извне, а изнутри, и подлинным бытием человека без социальных, как бы навязанных рамок, но с выстроенными самим человеком внутри самого себя рамками (нравственными императивами, личной религией (Б. С. Братусь), ценностями и смыслами – не

принципиально, как эти внутренние, порожденные самой личностью границы назвать – здесь важна не дискурсивная, а смысловая характеристика затронутого феномена). Саморазвитие в таком случае будет представлять собой культивирование истинного, подлинного бытия личности, по словам А. В. Серого, определяющего «отношение человека к себе, как субъекту жизни, за которую он принимает и несет ответственность» [8], соответственно, выступать формой экзистенциальной ответственности личности.

Анализ саморазвития в соотношении с тремя экзистенциалами человеческого существования – духовностью, свободой и ответственностью – показал, что его сущность может быть понята следующим образом. Человек становится уникальной смысловой вселенной лишь в том случае, если он выходит за пределы биологического и социального существования (*свобода*). *Ответственность* представляет собой управление этими выходами за пределы – они должны быть направлены на благо и самого человека, и окружающих людей, и человеческого сообщества в целом. На пересечении свободы и ответственности рождается *духовность*. Формирование системы нравственных ориентиров является одной из важнейших задач осознанного самоизменения личности. Посредством деяний индивидуальность осуществляет личные вклады в культуру (А. В. Петровский, В. А. Петровский), неся, таким образом, ответственность и за характер своего бытия, и за содержание культуры в целом.

П. Тиллих пишет: «Человек старается актуализировать все свои потенции, а эти потенции неисчерпаемы. Человек призван сформировать свой мир и самого себя в соответствии с данными ему созидательными силами. Само-бытие созидательно по своей сути» [10]. Здесь Тиллих исходит из положения о том, что саморазвитие всегда созидательно, при этом абсолютная позитивность его результатов требует серьезных размышлений, ведь приложение этой модели к реальной жизни снова показывает относительность такого теоретического построения. Что, если человек понимает подлинность своего бытия неким образом, противоречащим видению другого человека, даже общества в целом? Может ли быть, что у этого человека представления «более подлинны», чем у общества? Каким будет решение задачи о соотношении мнения меньшинства и большинства в самых разных реальных случаях? Вопрос, безусловно, требует рассмотрения.

Самодетерминационная природа личности, по мнению исследователей, в первую очередь связана со свободой и ответственностью. Личность в ответе за то, как она существует и существует ли вообще. Выбор осознанного, целенаправленного существования автоматически накладывает на личность ответственность за совершаемые (или не совершаемые) действия, поступки.

Человечество на протяжении поколений продвигалось к идее экзистенциальной ответственности. Долгое время ответственность за бытие возлагалась на некие высшие силы (божество, природа, судьба и др.). С одной стороны, это ограничивало человека, с другой стороны – снимало с него груз необходимости

принимать те или иные смысло-жизненные решения. Во многих религиях человеку запрещено распоряжаться собственной жизнью и смертью, существуют предписания по поводу того, как принимать решения в самых разнообразных ситуациях. В современном мире, с одной стороны, существуют такие явления, как суицид, прерывание беременности, эвтаназия, экстракорпоральное оплодотворение (ребенок может родиться у двух женщин или двух мужчин, состоящих в однополном браке), когда человек распоряжается самой жизнью – своей или другого человека; с другой стороны, есть и ситуации отказа от права принимать жизненно важные решения (конформизм, уход в секту, социальная пассивность и др.). В обществе, признающем ценность самосовершенствования, саморазвития, закладывающем эту ценность, например, в основу образовательных систем, многие его представители добровольно отказываются от идеи непрерывного развития, выбирая стратегию обладания. В ряде случаев можно говорить о псевдосаморазвитии, когда человек усиленно работает над собой не потому, что это его внутренняя необходимость, а потому, что это является средством реализации стратегии "иметь" (например, модно знать языки, заниматься спортом, положено иметь диплом об образовании, участвовать в меценатстве и др.). Из практики: на курсах повышения квалификации всегда есть слушатели, которым приходится их посещать (предстоит аттестация, так предписано), и люди, которые чувствуют дефицит знаний, хотя совершенствоваться. В самых разных профессиональных коллективах, внедряющих инновации, всегда есть консерваторы, которым приходится "во всем этом участвовать", и новаторы, которые экспериментировали бы и в том случае, если бы учреждение не вступило на путь инновирования.

Мы полагаем, что если осознанное самоизменение, саморазвитие соответствует ответственному отношению личности к своему бытию, то отказ от развития, самореализации можно условно обозначить как «экзистенциальный суицид» – форму экзистенциальной безответственности, игнорирование неподлинности бытия, конформности его характера. Такой случай С. Л. Рубинштейн описывает как умирание личности до физической смерти человека – ее носителя.

Безусловно, важно обратиться к вопросу о том, какие факторы определяют принятие или непринятие личностью на себя ответственности за собственное развитие. Генетически первым проявляет свое действие социальный фактор – фактор социального окружения, фактор культуры, традиций, ценностей, в пространстве которых формируется и развивается личность. В целом ряде исследований показано, как воспитание инициативности, активности ребенка родителями влияет на его отношение к собственной активности, в том числе, к развитию. Е. Р. Калитеевская, Д. А. Леонтьев в исследовании, посвященном связи стиля родительского воспитания и черт, связанных с самодетерминацией личности, показывают, что кроме всего прочего локус контроля (косвенно связанный с ответственностью) на высоком уровне достоверности связан с воспитательным стилем: только стиль, основанный на принятии, позволяет заложиться будущей

автономности личности, в том числе и в плане собственного развития [2].

С одной стороны, логично предположить, что любящая личность как автономная система стремится уйти от давления смыслов, заложенных в социокультурном контексте, сохранить свою индивидуальность. С другой стороны, как показывает реальная жизнь, многим людям психологически, да и в других планах, гораздо комфортнее существовать в понятной реальности, где все определено, нет полутонов, неочевидностей, не ощущается напряжение, определяющее характер самореализации личности [1]. Смещение такой ясной смысловой разметки мира может вызывать у человека дискомфорт, поскольку наше сознание всегда стремится сделать непонятное понятным, неизвестность пугает. Если у человека, существующего в просторном, понятном пространстве присутствуют доказательства его состоятельности, завершенности (стратегия обладания, по Э. Фромму), то ощущение неподлинности бытия, его внешней детерминированности может быть притуплено или вовсе отсутствовать. Необходимость делать выбор может быть мучительной для такого человека, в этом случае он будет осуществлять поиск некоей инстанции, на которую этот выбор можно переложить (религия, мода, общественное мнение и мн. др.). Вместе с тем для личности, стремящейся к подлинному бытию, в частности, к саморазвитию, мучительным является отсутствие альтернативы, невозможность сделать собственный, внутренне детерминированный выбор. Такие люди ощущают себя некомфортно в пространстве абсолютов, однозначной смысловой разметки, некоей смысловой линейности.

На наш взгляд, комфортность/некомфортность в пространстве альтернатив закладывается для личности еще на этапе первичной социализации такими социальными институтами, как семья, образовательные учреждения, религия, мода и др. В процессе социализации закладываются черты личности, значимые для ее саморазвития, закладывается психологическая база для ответа на главный вопрос: будет ли человек ответственен за собственное развитие или альтернативы в данном плане будут для него мучительны?

Наряду с социальными факторами существенное, а на этапе зрелости определяющее влияние на субъектность личности в плане саморазвития оказывают внутренние факторы, черты личности как системы.

Безусловно, саморазвитие личности тесным образом связано с ее рефлексивной работой, дающей возможность увидеть разнообразные альтернативы развития. Вместе с тем только рефлексивного компонента недостаточно: личность может быть способна увидеть новые пути развития, при этом важно, пойдет ли она по одному из них. Осмысление жизни должно стать основой жизнотворчества (Д. А. Леонтьев). Рефлексия в совокупности с мировоззренческой активностью, связанной, кроме всего прочего, со стремлением человека по всякому поводу иметь собственное мнение, также выступают формами бытийной ответственности.

В. Г. Кротов в предисловии к книге А. Локтева «Конденсат смысла» пишет: «Если человек соберет

вместе свои понимания важных для него вещей, свои определения для них, получится словарь его мировосприятия. Не так важно, велик или мал будет такой словарь. Важно, что он является сгустком отношения к миру. Конденсатом смысла. Для получения такого конденсата основным технологическим условием является творческая жизнь» [6]. Творческая жизнь должна быть связана с креативностью выстраивания жизненного пути, социально-ролевым экспериментированием, когда личность не просто комфортно чувствует себя в пространстве альтернатив, она сама его создает.

Свобода характеризуется через самоопределение человека по отношению к границам своих виртуальных возможностей на основе рефлексии этих границ. Ценность процесса саморазвития, вообще, продвижения личности в данном направлении влечет за собой поисковую активность, основанную на рефлексивной, смыслопорождающей работе, самотрансценденции, поскольку изменение себя требует способности личности покинуть актуальный уровень развития и продвигаться к некому на данный момент не существующему, но предпочитаемому личностью образу самой себя. Чем более человек погружен в это иное, предпочитаемое, «тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой» [11, с. 29].

Саморазвитие, безусловно, представляет собой одну из форм самотрансценденции. С выходом субъекта за пределы текущего жизненного опыта связана концепция «зазоров дышащего опыта» (В. П. Зинченко, М. К. Мамардашвили). Только при условии открытости личности выходам за пределы потока жизненного опыта, предполагают авторы концепции, может быть получен совершенно новый опыт. Экзистенциальная ответственность заключается в том, чтобы не избегать таких зазоров, не защищаться от них, а искать или даже осознанно создавать их.

Для саморазвития как стремления к воплощению сущности человека стабильная смысловая разметка, созданная на ранних этапах социализации, должна быть смещена, дестабилизирована. Для движения вперед нужна вероятностность, неопределенность, свобода от жесткой детерминированности.

Ситуация неопределенности может осмысливаться личностью как точка роста, как возможность управлять жизнью на основе новых алгоритмов. Сама по себе ситуация смысловой неочевидности становится точкой бифуркации, когда человек может ориентироваться на адаптивную стратегию, но может и начать искать новые решения. В основе выбора, на наш взгляд, лежит смысловое ядро личности, общие представления человека об управляемости жизни.

Говоря о других внутренних критериях формирования саморазвития как экзистенциальной ответственности, помимо рефлексивности, инициативности как некоей свободы, нужно сказать и об ответственности как саморегуляционном ресурсе. Возможно, экзистенциальная ответственность вырастает из ответственности как личностного (волевого) качества. Таким образом, мы выходим на проблему конкретных эмпирических критериев, позволяющих «измерить» нацеленность на саморазвитие, ответственность за него

личности. Исследование такого рода критериев может одновременно стать основой практических подходов к созданию деятельностных контекстов (творческих, образовательных, профессиональных и др.), высту-

пающих оптимальными для реализации экзистенциальной ответственности личности в форме осознанного и целенаправленного саморазвития.

Литература

1. Иванов М. С., Яницкий М. С. Модель напряжений самореализации и ее эмпирическая валидизация // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 20 – 28.
2. Калитеевская Е. Р., Леонтьев Д. А. Пути становления самодетерминации личности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 49 – 55.
3. Купченко В. Е. Особенности характеристик жизненного пути у лиц с различным типом ответственности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Омск, 2004. 180 с.
4. Леонтьев Д. А. Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67 – 80.
5. Логинова И. О. Жизненное самоосуществление человека: системно-антропологический контекст: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2010. 42 с.
6. Локтев А. Конденсат смысла. М.: Путь, 1999. 68 с.
7. Лукьянов О. В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2009. 43 с.
8. Серый А. В. Структурно-содержательные характеристики системы личностных смыслов // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. Вып. 2. Кемерово, 2004. С. 4 – 13.
9. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая парадигма как методологическая основа оценки и прогнозирования развития личности: монография // Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность. Томск: ТГПУ, 2008. С. 71 – 93.
10. Тиллих П. Мужество быть / пер. Т. И. Вевюрко // Избранное. N.Y., 1952
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 210 с.
12. Четошников Е. В. Эмоционально-ценностные основания рефлексивной оценки жизненного самоосуществления: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2008. 23 с.
13. Ященко Е. Ф. Ценностно-смысловая концепция самоактуализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2006. 48 с.

Информация об авторе:

Фризен Марина Александровна – кандидат психологических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего кафедрой теоретической и прикладной психологии КамГУ им. Витуса Беринга, frizenm@yandex.ru.

Marina A. Frizen – Candidate of Psychology, Associate Professor, Acting Head of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Vitus Bering Kamchatka State University.

Статья поступила в редколлегию 16.07.2014 г.